Москва - Хлынов - Темьян: земной и художественный путь Сергея

А. А. Аникин

SHOUT
SHARE
IT

- А.А.Аникин

А.А.Аникин
Москва — Хлынов — Темьян: земной и художественный путь Сергея Дурылина

Жизнь Сергея Дурылина — и биография, и творчество — таит множество загадок.

Долгое время даже дата и место рождения С.Н. Дурылина (1886–1954) вызывали разночтения; так, в некрополе Дурылиных на Даниловском кладбище в Москве на могильном камне Сергея Николаевича стоит официально признанный тогда (по паспорту), но неверный год рождения — 1877… В некоторых документах значится место рождения — Киев и даже 1871 год… Нет, Дурылин — коренной москвич, отсюда он начал свой жизненный путь, здесь его и завершил. Подлинная дата рождения установлена по архивным материалам: автобиографии, справке ФСБ РФ «Об обстоятельствах ареста С.Н. Дурылина» (РГАЛИ, 2980, № 1144), по метрической записи Богоявленской церкви в Елохове (Центральный исторический архив Москвы, ф. 2126, № 29; сведения В.Ф. Тейдер).

Такая датировка соответствует и истории семьи Дурылиных: Сергей был средним из трех братьев (еще двое сыновей не выжили), а первый — Коля — родился в 1885-м. Так что сам брак родителей Николая Зиновиевича (1832–1898) и Анастасии Васильевны (1852–1914) состоялся гораздо позднее 1877 года, 30 октября 1883 года (см. документ из архива С.Г. Дурылина): Дурылин писал, что отцу было уже за 50 лет… Считается, что Сергей Николаевич еще в юности зачем-то прибавил себе возраст — возможно, для весомости в глазах учеников, и даже праздновал 70-летие в 1947 году — наверное, с присущем ему чувством самоиронии…

Есть несколько московских мест, и сейчас сугубо мемориальных — прежде всего, это дурылинский некрополь на Даниловском кладбище, участок 4, и дом-музей писателя в Болшево (ныне район г. Королев). Это как бы намоленные самим Дурылиным места, и в то же время здесь тоже не избежать разнотолков и споров в, казалось бы, простых вещах (вроде даты рождения!).

Поделюсь самым недавним изысканием. Когда мы приходим на могилу С.Н. (а это первый признак искреннего почитания писателя, поскольку он сам придавал как собственно смерти, так

и месту упокоения глубочайшее, первейшее значение), то мы видим общий гранитный памятник с именами Сергея Николаевича и его супруги Ирины Алексеевны. Что ж тут разыскивать еще, все высечено в камне… Но по архивам мы знаем, что С.Н. завещал похоронить себя в могиле рано умершего своего брата Николая и оставить прежний небольшой белого мрамора памятник, а на завещании И.А. значится, что ее тело было захоронено в могилу матери — Анастасии Васильевны. Памятник матери стоит рядом отдельно. Имени брата Николая мы и вовсе не видим. Так где же лежат точнее дорогие нам останки?

По семейным воспоминаниям «В родном углу» мы представляем, что мать С.Н. похоронена между могилами отца и брата Коли. Так и есть сейчас: на небольшом белом мраморном памятнике, стоящим рядом с надгробием Николая Зиновиевича, есть надпись с ее именем. Надпись, правда, сделана небрежно, черной масляной краской. Памятник же Дурылиным стоит вроде на месте, где должна быть могила младенца Коли… И вот сделан решительный шаг!

Памятник на могиле матери настолько отвечает описанию памятника на могиле брата Коли, что мы решаемся осмотреть его с оборота, заднюю сторону, пробравшись через едва доступные заросли и иные ограды. И что же? На обороте видим высеченную как положено надмогильную надпись о прахе младенца Николая, сына московского купца Дурылина: 1885–1888 годы. Все сошлось по архивным документам и дурылинским мемуарам!

Стало быть, общий памятник стоит над захоронением Сергея Николаевича и его брата, Ирина Алексеевна покоится рядом в общей могиле с Анастасией Васильевной, при установке нового памятника писателю белый мраморный памятник с могилы брата был перемещен на могилу матери.

Все восстановилось, но так же прочитывается и вся творческая история Дурылина.

Москва всегда была в сердце писателя. Тяжкими были годы невольных разлук с Москвой — аресты и ссылки: Владимир, Челябинск, Томск, Киржач, пока в середине 1930-х не произошло обретение покоя в ближнем Подмосковье, в старинной дачной местности Болшево… В одной из записей, сделанных в Киржаче, Дурылин представлял: «Нет, не столько жить, сколько именно почивать «ближе к милому пределу». А может быть, и жить, дышать ветерком, тем, что колеблет старые березы над родными могилами, за 140 верст отсюда, на Даниловском кладбище…» Это, такое призрачное для 1930-го года упование сбылось как пророчество своей судьбы.

С.Н. Дурылин молодым вошел в противоречивую культуру «серебряного века»: сотрудничал в издательствах «Посредник», «Мусагет», был секретарем Религиозно-философского общества при М.К.Морозовой, написал вместе с ее сыном Микой Морозовым (знаменитым и по картине В.А.Серова, и по заслугам в шекспироведении) роман «Соколий пуп» — едкую сатиру на «белибердяевых»; в 1950-е годы отчислял постоянную «пенсию» бедствующей в подвальной комнатке на Покровке Маргарите Кирилловне; привлек в литературу Бориса Пастернака, но и пережил разочарование его творчеством, выровнившееся в послевоенные годы; был в кругу «толстовцев» и общался со Львом Толстым, а в 1905-м году познал российскую тюрьму как революционер; провел интереснейшее исследование Русского Севера; опубликовал книгу «В школьной тюрьме» (1906) и всю жизнь занимался живой педагогикой, среди его учеников — гениальный артист Игорь Ильинский, литературоведы Кирилл Пигарев, Андрей Сабуров, священник Сергей Сидоров, религиозный писатель Сергей Фудель (сын о. Иосифа Фуделя)…

После 1917-го года Дурылин весь устремлен к церкви, принял сан священника (1920), прошел аресты и ссылки, а в начале 1930-х гг. вошел в литературоведение как авторитетный исследователь русско-европейских культурно-исторических связей и творчества русских классиков. В 1940-е стал и одним из самых известных театроведов, профессором ГИТИСа, историком русской драматургии, выдвигался на Сталинскую премию за монографию о М.Н. Ермоловой (но присуждена была премия Академии наук СССР), был награжден в ряду деятелей Малого театра орденом Трудового Красного Знамени…

И в течение всей этой «линии жизни» он много писал как поэт и прозаик. Публикаций художественных было крайне мало. Но труд не останавливался никогда.

Ключевое его произведение — повесть «Сударь кот» (1924) написана в тяжелые для Дурылина времена (но какие годы назвать легкими?): высылка из Москвы в Челябинск — после долгого тюремного заключения и очевидных принуждений отказаться от церкви. В ссылке Дурылин обрел спутницу жизни — Ирину Алексеевну Комиссарову-Дурылину (1899–1976), отправившуюся с ним по завету о. Алексея Мечева, у которого начинал церковное поприще в храме Николая Чудотворца в Кленниках, на Маросейке. Его неутомимые труды по созданию челябинского краеведческого музея не утратили значения и поныне.

Большинство произведений С.Н. Дурылина пронизаны биографическими мотивами: писатель видит как в ярких, так и

обыденных событиях своей жизни зерна сюжетов и художественных обобщений. В некоторых случаях здесь требуется разгадка своеобразного шифра, а в «Сударе коте» воспоминания о детстве, родной семье присутствуют совершенно четко с первых строк: конечно, перед нами купеческая семья Дурылиных, отец Николай Зиновьевич, мать Анастасия Васильевна, двое сыновей… Имена изменены, но имя повествователя — Сергей, отца — Николай… Образы так преданно и глубоко любимых людей легли на страницы повести. И от частных биографических черт Дурылин всегда идет к большим художественным обобщениям, уже не имеющим мемуарного характера.

Дурылин прекрасно знал и любил родную Москву, тонко понимал старинный купеческий быт, трепетно описал отцовский дом в Плетешковском переулке (записи «В родном углу»), у Елоховского собора. Он учился в 4-й московской гимназии (б. пансион при Московском университете), затем в Археологическом институте, всегда был в центре культурной жизни столицы — и в московском Религиозно-философском обществе, и в кругу толстовцев, и в Родительском клубе, основанном К.Н. Вентцелем, и среди московского духовенства. Для учеников Дурылина походы по московским древностям были настоящими духовными университетами, как писал об этом Сергей Фудель…

Но в период гонений, невольных странствий в глубины России, у Дурылина рождается образ условного города, символизирующего всю судьбу Отечества. Так, в «Сударе коте» он изобразит некий Хлынов (давнее название Вятки, причем с соблюдением реальных пространственных координат), а в главном своем произведении — романе «Колокола» (1928) — назовет город совсем особым и значащим именем — «Темьян» (при внимательном прочтении здесь реконструируется Саратов). И все же в основе его творчества — московский духовный опыт и картины быта, а уход сюжетов в российскую провинцию — художественный прием, позволяющий достичь широты и глубины обобщений. Дурылин ценил жизнь российской глубинки, обретал веру в Оптиной Пустыни и в Сергиевом Посаде.

Сама же художественная ткань «Сударя кота» пропитана московскими впечатлениями, жизнью родных Плетешек, многое прямо повторяется в записях «В родном углу»: приезд к бабушке, день Иоанна Предтечи…

Название повести вызывало немало споров. М.В. Нестеров, великий русский художник и ближайший друг автора, написавший его портрет «Тяжелые думы» (1926), настойчиво советовал придумать иной заголовок. Но Дурылин, давший даже посвящение своей повести Нестерову, название упрямо не менял.

Думается, здесь виден художественный канон Дурылина: вывести на первый план косвенную, незначительную деталь, чтобы за ней раскрыть большой, напряженный мир людских характеров и судеб. Это свойство его образного мироощущения.

Михаил Нестеров оставил следующую запись в альбоме С.Н. Дурылина (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 2, № 276, л. 245):

> «Дорогой, старый друг мой Сергей Николаевич!
>
> Прочитанная мною повесть-хроника Ваша о людях, Вам близких, дорогих, о радостных и тяжелых
>
> переживаниях, о победном конце, о торжестве их прекрасной жизни над “скверной” житейской, так ярко,
>
> талантливо, художественно обобщено в цельное художественное произведение, не раз восхитило меня,
>
> взволновало до слез, и слезы эти были благодатными слезами. За это сердечно благодарю Вас. <…>.
>
> Благодарю Вас за радость, испытанную мной при чтении этой трогательной, волнительной повести.
>
> Обнимаю Вас, нежно целую, любящий Вас
>
> Михаил Нестеров».

Или еще один его отзыв: «Отличную книгу вы написали. Это лучшая ваша вещь. <…> Там не только хороши лирические места. Там и трагические места есть: они еще сильнее действуют. Вот это ваше, настоящее. Вы здесь художник. Это для меня дорого…»

«Сударь кот» — повесть о любви, напряженных духовных и нравственных исканиях, даже о подвигах в личной, обыденной жизни. Это и повесть о восхождении к Богу, служении Богу в монастыре и в повседневности. Удивительно чистое и возвышенное повествование, оно способно поразить современного читателя и посодействовать становлению души.

Так Сергей Дурылин станет нашим современником, придя из совсем иной эпохи со своим сокровенным русским словом.

Подлинными памятниками писателю стали его опубликованные ныне произведения, памятником стал и знаменитый ныне фонд 2980 Российского государственного архива литературы и искусства, скрупулезно оформленный и изученный М.А. Рашковской.

Памятниками становятся и дурылинские юбилейные торжества в доме-музее, в ИМЛИ РАН, других институтах и библиотеках.

Творчество Сергея Дурылина и есть сама его духовная личность, и оно должно стать предметом целостного изучения.

Как нельзя вырвать из человеческого облика какие-то отдельные стороны, так и научное исследование должно дать единую картину творческого пути этого уникального писателя и ученого.

Будем видеть цельного, а не расчлененного на части Дурылина, как он сам учил видеть целое в Пушкине, Лермонтове, Толстом!

Но что это за странное юбилейное пожелание, разве может быть и как-то иначе в отношении большого исторического явления? Оказывается, может…

Вот в определенном ряду писаний о Дурылине закрепляется уродливое, неприемлемое даже для стилистики самого нашего писателя слово: «не репрезентативен». Как же корчило Дурылина от подобных наукообразных определений! А теперь припечатывают этим штампом и его самого! (Вообще это очень нелепо и смешно — говорить о писателе абсолютно чужеродным для него языком, это признак непонимания…)

Вот приведу эти варварские и антинаучные соображения: «Эта история, при всей ее кажущейся логической несообразности (действительно, в рамках формальной логики не-А всегда есть именно не-А, и ничего более), как нельзя лучше описывает ситуацию с Дурылиным: с одной стороны, то что "знают все" — астрономическое количество опубликованных работ по театроведению, "советские" биографии Нестерова — никак или почти никак не репрезентируют их автора. С другой же стороны то, чего ≪никто не видел≫, что осталось либо неопубликованным, в архиве, либо выходило на страницах таких печатных изданий, от которых остался лишь слабый след на страницах библиотечных каталогов; — то, чего как бы и "не существует", вызывает неизменный интерес» (цитата из книги «С.Н. Дурылин и его время», М., 2010. С. 426).

Так перечеркивают громадный болшевский период творчества Дурылина! Уродливое слово «репрезентативен» как-то созвучно со словом «репрессирован»: так репрессируют ценнейший пласт творчества, не интересен, оказывается, астрономический по плодотворности период! Это не научный, а чисто пропагандистский подход, так в советские годы «не репрезентативными» для всяких ученых-агитаторов казались ранние и художественные труды Дурылина, да только тогдашний агитпроп просто замалчивал это, а нынешний тычет и припечатывает этим отвратительным словом — не реперезентативен (в реферате одной диссертации по Дурылину это слово мне встретилось раз пять)… И очень сомнительно, чтоб автор этого мерзкого ярлыка потрудился прочитать то, что якобы знают все… Ближе к делу было бы — не знает почти никто… И не

узнает, если идти путем идейных репрессий. Дурылину ли, прошедшему и царские, и чекистские тюрьмы, вечно жаждущему и провозглашавшему свободу, приобрести такую участь?.. Вот такая ситуация с Дурылиным…

Нет уж, Сергей Дурылин репрезентативен в каждом своем слове, каждом шаге своей биографии, его наследие должно быть осмыслено целостно и без пропагандистского произвола. Уж во всяком случае, в стенах ИМЛИ, по месту своей профессиональной службы, он имеет на это право — право, в сущности, каждого писателя и ученого — войти в историю всей своей личностью, а не клочками на злобу дня.

Из темного Темьяна и незримого Китежа Сергей Дурылин возвращается в любимую им Москву, в открытое и свободное культурное пространство. Пусть в реку Темьян катятся те, кто пытается замолчать и обкарнать его наследие! Сам Дурылин в одной ранней своей записи, вероятно, около 1906 года, оставил такой завет, как бы стихотворение в прозе «Человек свободен»: «О, не ограничивайте его свободу ни заповедями, ни повелениями! Дайте ему жить! Все позволено! Все он может!» (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, № 276). Вот бы этот завет исполняли дурылиноведы: дайте жить Дурылину, не душите!

В заключение приведем еще один московский очерк по материалам дурылиноведения…

Родное пепелище Сергея Дурылина…

Итак, небольшой очерк недавних поисков московского дома Дурылиных, предпринятых по описаниям из книги «В родном углу».

«Дом был большой, двухэтажный, каменный, старинной стройки начала 19 столетия, а может быть, и конца 18» («В родном углу». М., 1991. С. 81).

Дом, где родился С.Н. был вторым со стороны Елоховской (Спартаковской ныне) ул.: «Несколько шагов по левой стороне переулка — и мы у ворот старого дома» (77). Дом располагался в глубине сада, на пустыре перед домом разместили впоследствии большой доходный дом (см. фото): сейчас это дом № 3 («Двор был так широк и просторен, что впоследствии на нем был выстроен большой доходный дом, и еще оставалось довольно места», 80). Стало быть, дом Дурылиных располагался за этим строением, теперь как бы во дворе его, куда мы и отправимся.

Сосед слева — дровяные склады Моргунова (78), затем — усадьба Матюшенковой, выходившая на Елоховскую (109), справа

— усадьба Макеровского (только его дом выходил прямо фасадом в переулок, без двора и палисадника (78).

Усадьба Дурылиных — более десятины площадью: примерно 1 га, площадь 100х100 метров («Сад занимал около десятины земли; с северной стороны в него упирались сады четырех владений по Елоховской; с востока с ним были смежны сады двух владений по Немецкой; с юга тянулось нескончаемое владение таинственного Макеровского», 106).

«Двор от сада отделялся высокой решеткой» (105), находясь за домом.

«В восточном конце нашего сада протекал ручей Кукуй» (106). За ручьем начиналось соседнее владение: «С восточной стороны над Кукуем в наш сад выходило мрачное, запущенное кирпичное здание с узкими и редкими окнами высоко под крышей (108) — фабрика фотопластинок «Победа», принадлежавшая некоему капитану Занковскому, дом которого располагался далее и выходил на Немецкую улицу: «В доме была круглая зала, ее фасад с лепными украшениями в стиле ампир так круто выдавался на улицу, что своим полукружием срезывал тротуар», 109; дом 38 по Бауманской ул.)

Итак, владения Дурылиных размещались между домом № 3 по Плетешковскому и домом № 38 по Бауманской — прежней Немецкой (дом Занковского). В этом промежутке можно обнаружить и здание бывшей фабрики фотопластинок, именно с высоко над землей расположенными окнами.

«Об угол с нашим садом» (107) — владения Скворцова, где, по одной из версий, родился Пушкин.

«Службы — из красного кирпича — тянулись вместо забора по соседству с Макеровским» (101): сейчас это длинный дом 3а по Плетешковскому. Здесь граница с юга: «Над бывшими «службами» надстроен второй этаж, и они также превращены в доходный дом» (114). В этой же стороне усадьбы «Направо поднималась купа высоких тополей» (81). Только тополя и остались впоследствии от насаждений: «Сад вытеснен этими доходными домами, вытоптан их жильцами; яблони вырублены или умерли о старости <…> (Лишь дятел) мог бы поселиться в дупле одного из трех-четырех старых тополей» (114, см. фото).

На основании этих примет можно сделать вывод, что дом Дурылиных не сохранился, на его месте — белые панельные дома 1960-х годов. Двор и сад четко различимы по границам: двум бывшим «доходным домам»: №№ 3 и 3а. Сохранились очень старые тополя, слева от которых, вероятно, можно предположить местонахождение дома Дурылиных. Сейчас это место между блочными высокими домами заполнено гаражами и

техническими небольшими сооружениями. Очевидно, при возведении этих блочных домов и был окончательно снесен старый дом — к тому времени тоже сильно видоизменившийся (см. об этом: «В родном углу», с. 114). Единственное здание, отвечающее указанным ориентирам, находится слишком глубоко от переулка и должно быть распознано как фабрика Занковского, она же выходит к дому 38 по Немецкой (Бауманской).

В остальном все ориентиры соблюдены и точно описаны «В родном углу», в том числе — диагонально расположена школа им. А.С.Пушкина, с памятником и мемориальными досками, «об угол», на прямой видимости.

Нет только самого дома.

Дома разрушаются, слово Дурылина — вечно.